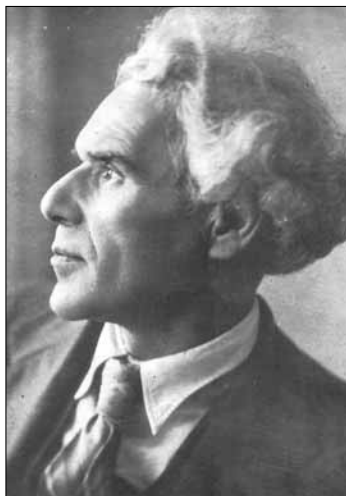

Дер хавер Шнеер

У человека, о котором я хочу рассказать, как и любого другого гражданина, были, конечно, "паспортные" имя и фамилия. Но он был очень общительным и доброжелательным человеком, и мало кто обращался к нему по полному имени — Шнеур-Залман, а тем более по фамилии — Окунь. Для всех он был просто Шнеер. Дер хавер, то есть *товарищ*, Шнеер.

...Я держу в руках составленный в Израиле в алфавитном порядке на языке идиш мартиролог "Лезикорн". Он посвящен 45-летию погрома, устроенного советскими властями в отношении деятелей еврейской культуры. В скорбном списке убиенных, умерших в лагерях и ссылках 72 человека. 9 имен аккуратно, под линейку, подчеркнуты: Бергельсон Давид (1874-1952), Гофштейн Давид (1889-1952), Зускин Вениамин (1899-1952), Маркиш Перец (1895-1952), Спивак Эли (1889-1952), Фефер Ицик (1900-1952), Персов Самуил (1889-1952), Квитко Лев (1890-1952), Шнеер-Окунь Залман (?-1952). Почти все из попавших в этот список литераторов работали для театра, и постановки по их пьесам пользовались огромным успехом. Взять хотя бы единственного из еврейских писателей, удостоенного в 1939 году высшей награды страны — ордена Ленина — Переца Маркиша: в 1941-1945 годах московский ГОСЕТ ставил спектакли по его пьесам "Клятва", "Око за око", "Лесные братья", "Восстание в гетто". Нетрудно заметить, что в мартирологе подчеркнуты имена всех, чьи жизни оборвались в 1952 году. О чем еще нам рассказывает список? О том, что имя Шнеера подчеркнуто наравне с самыми известными деятелями еврейской советской культуры, 6 из которых проходили по "делу" Еврейского антифашистского комитета и были приговорены к высшей мере наказания. Этот процесс часто именуют последним сталинским расстрелом. И о том, что год рождения Шнеера автору документа неизвестен.

Шнеер-Залман Окунь родился в 1892 году на территории современ-

ной Республики Беларусь. Как и положено еврейскому мальчику, Шнеер окончил хедер. Затем учился в разное время в трех иешивах. Однако из сына шойхета Мойше-Мордхе Окуня не получилось не только ученого в еврейском смысле этого слова, но даже верующего человека. Его влекла к себе светская еврейская культура. Но учеба в иешивах имела и положительный аспект: Шнеер превосходно разбирался в иудаике. Полгода он работал в селе в качестве репетитора, обучая детей зажиточного еврея. А затем уехал, и уехал далеко — в Варшаву. Цель такого перемещения была следующей: знакомство с Ицхоком-Лейбушем Перецем — одним из трех классиков литературы на идиш. В Польше Шнеер начал заниматься фольклористикой: записывал сказки, легенды, притчи, остроты, пословицы, поговорки, загадки, каламбуры, народные песни... Начал печататься в еврейской прессе. Участвовал в социалистическом движении, за что был арестован и освобожден Февральской революцией 1917 года.

Первая мировая война принесла польскому еврейству много страданий. Было много бездомных детей. Шнеер и другие неравнодушные к детскому горю люди собирали сирот, после чего вывезли их из разрушенной войной Польши в расположенный в Украине Елисаветград (ныне — Кировоград). Детей содержали не только на пожертвования. Детский дом ездил по Украине, проводились выступления с чтением легенд, сказок, острот. Вот где пригодился Шнееру собранный в Польше фольклорный материал! Причем к сиротам Шнеер относился по-отечески: читал им сказки, пел им песни, танцевал вместе с ними, играл с ними в различные игры.

В 1919 году Шнеер попал в Одессу. В нашем городе он сначала работал грузчиком в пекарне. Затем местом его трудовой деятельности стала 1-я школа-коммуна на углу Успенской и Маразлиевской улиц. В 1926 году, в возрасте 34 лет, он окончил социально-экономический факультет Одесского института народного образования. Преподавал еврейский язык и еврейскую литературу в еврейском ремесленном училище "Труд" и 5-й профтехшколе "Металл".

Театральной и литературной деятельностью Шнеер начал заниматься чуть ли не сразу же по прибытии в Одессу. Силами студенческого театра была осуществлена постановка его пьесы "Провокатор". Надо отметить, что этот одаренный человек много сил и энергии отдавал становлению еврейской художественной самодеятельности. А его первая литературная работа, напечатанная в одесской прессе, относится к 1921 году. Она появилась в еженедельнике "Комунистише штим".

В том же 1921 году с разрешения советского правительства из одесско-

го порта на Стамбул ушел пароход. Советскую Россию навсегда покидали такие значительные фигуры еврейской культуры, как Бялик, Равницкий, Клаузнер. Пароход увозил раввинов, канторов, учащихся иешив, меламедов, журналистов — тех, о которых было сказано, что они занимаются вредной отсталой деятельностью и не могут участвовать в построении светлого будущего.

А теперь я хочу привести цитату из воспоминаний Цви Рама, опубликованных в сборнике "Мой путь в Израиль" ("Библиотека "Алия", № 45, 1977 г.). Они посвящены Хаиму-Нахману Бялику — создателю неовивритской традиции в еврейской литературе, которого Максим Горький в своем заключительном слове на 1-м Всесоюзном съезде советских писателей, проходившем летом 1934 года, назвал "почти гениальным поэтом":

"Собираясь покинуть Россию и прощаясь с людьми, он воздавал каждому по заслугам.

Был в Одессе один учитель иврита и немного литератор по фамилии Окунь, выступал под псевдонимом Шнеур... Бялик не мог простить ему, что он пошел на службу Евсекции и переключился с иврита на идиш, и сказал ему на прощание:

— Шнеур! Говорят, что вы уже не окунь, а тюлька".

Вина в том, что переключился с иврита на идиш? Что ж, презрительное отношение к насчитывающему по меньшей мере 800 лет языку ашкеназских евреев для нас не новость. Вот что писал о языке идиш провозвестник еврейского государства Теодор Герцль: "...Что же касается того жалкого и несчастного жаргона, которым мы теперь пользуемся, того проклятого языка, который мы приобрели, заключенные в наших смрадных гетто, то наши народные учителя, конечно... приложат все старания, чтобы изгнать его...". Герцль умер в 1904 году. А современная израильская актриса, лауреат престижного Каннского фестиваля за лучшую женскую роль Хана Ласло, отвечая на вопрос интервьюера "Вы так хорошо знаете идиш?", заявила: "Как я могу не знать язык, на котором говорили мои родители?! Я не только его знаю, но и никогда не стеснялась на нем разговаривать, — даже в те времена, когда это в Израиле считалось чуть ли не позорным! [...] И я выросла на творчестве Шолом-Алейхема и Зингера... Идиш — это ведь часть нашего национального сознания, часть нашей еврейской судьбы...". Как видим, разные, можно сказать, полярные мнения существовали и существуют по поводу языка идиш и культуры, созданной на его основе. Но тогда, в начале двадцатых годов двадцатого столетия, на идиш пере-

ключилась вся огромная советская страна. На этом языке в те времена выходили газеты и журналы, открывались не только школы, но и факультеты техникумов и вузов, работали библиотеки, клубы и театры, заседали суды и требовались официальные бланки для постановлений и решений... А главное — была публика, которая говорила и читала на идиш, занимала места в аудиториях и зрительных залах.

Шнеер встречи с Хаимом-Нахманом Бяликом сравнивал со встречами с Иццоком-Лейбушем Перецем и относил их к разряду самых счастливых встреч в своей жизни. А что касается языка иврит, то вот еще один факт.

Работал в Москве на языке иврит театр "Габима" (название переводится как "сцена"). В момент своего создания "Габима" считалась одной из студий при МХТ под руководством Станиславского и Немировича-Данченко. Первые представления давались в такое время, когда людей, понимающих иврит, в столице почти не было: положение о "черте оседлости" только что было отменено Совнаркомом, и первыми зрителями первого профессионального еврейского театра в большинстве своем были русские поклонники театрального искусства. Актерское мастерство первым габимовцам преподавал Станиславский, режиссурой занимался Евгений Вахтангов, он же был художественным руководителем студии "Габима" и поставил в ней один из лучших своих спектаклей "Меж двумя мирами, или Гадиббук". У театра было три программных спектакля: "Вечный жид" по Д. Пинскому (1919), упоминавшийся "Меж двумя мирами, или Гадиббук" по Ш. Ан-скому (1922) и "Голем" по Г. Лейвику (1925). Помимо России актеры театра имели возможность пленять своим искусством зрителей Германии и США. 18 января 1926 года "Габима" дала трехсотое (!) представление "Меж двумя мирами, или Гадиббук" в Москве, что явилось последним ее спектаклем в Советском Союзе. Официально власти театр не изгоняли. "Габима" отправлялась на гастроли по Западной Европе и США, и эти гастроли оказались длительными. В 1928 году театр осел в Тель-Авиве. А последним пунктом в СССР для "Габимы" была Одесса. Репетиции театра проводились в квартире героя моего повествования. Известно, что репетировали "Меж двумя мирами, или Гадиббук". Можно только представить себе, как по квартире Шнеера рассказывала несравненная Хана Ровина, чьим мастерством восхищались Станиславский, Горький, Луначарский. Великий режиссер Евгений Вахтангов специально для нее поставил спектакль. Ее Лея в спектакле "Меж двумя мирами, или Гадиббук" стала визитной карточкой израильского театра, за исполнение этой роли зрители нарекли ее "Царицей Израиля". В 30-е годы

"Первая леди театра на иврите" была культовой личностью. Мужчины ее боготворили, в архиве актрисы осталось много отчаянных признаний в любви. Ее преданными поклонниками были известный ученый и сионистский деятель, будущий первый президент Государства Израиль Хаим Вейцман и мэр Иерусалима тех лет Агронский. Ицхак Рабин писал в воспоминаниях: "Когда она выходила на улицу, вставали все генералы".

В 1958 году "Габима" стала Национальным театром Государства Израиль. Но все эти годы, вплоть до конца 70-х, легендарный вахтанговский спектакль "Меж двумя мирами, или Гадиббук" сохранялся в репертуаре театра. Нынешняя "Габима" — это мощный национальный театр, ежевечернее играющий на своих трех сценах спектакли самых разных жанров, но отдающий предпочтение мюзиклам.

Думаю, что вышеприведенные факты связи Шнеера с театром на иврите окончательно смывают с нашего героя пятно якобы предавшего язык иврит и культуру на этом языке. Кстати, когда много лет спустя Шнеера арестовали, то "всезнающие органы" вполне могли припомнить ему то давнее гостеприимство и те давние репетиции...

Шнеер проживал в коммунальной квартире, но в ней была одна очень большая комната. Адрес подвижника возрождения еврейской культуры был таким: ул. Кирова (теперь Базарная), д. 11, 2-й этаж. Если подойти к дому, бросается в глаза длинный балкон. А если закрыть глаза и попытаться перенестись в другую реальность, то можно представить себе стоящего на этом балконе хозяина, курящего папиросы второго или даже третьего сорта, потому что папиросы первого сорта Шнеер приберегал для гостей. Да, он был исключительно добрым и радушным человеком. Шнеер мог снять со своих плеч пальто и одарить им чуть ли не совсем незнакомого человека. Жадность он считал страшным наследием нищеты. Он умел принимать гостей. После съеденного и выпитого Шнеер мог запросто вскочить на стол и выписывать на нем кренделя. Недаром видный еврейский советский писатель, живший и окончивший свои дни в Одессе, Ирма Хаимович Друкер, воспоминания о Шнеере назвал "Дер фрейлехер шефер фун "Фрейлехс" (веселый создатель "Фрейлехса").

В те годы Одессу часто посещал известный эстрадный певец, уроженец нашего города Михаил Эпельбаум.

Шнеер выступал перед концертами Михаила Эпельбаума. Надо сказать, что у Шнеера были яркие актерские способности. Часто он выступал в переполненных зрителями залах. Чтение им произведений еврейских писателей обычно сопровождалось импровизациями и вставками чего-

нибудь своего, будь то новелла, рассказ, зарисовка, шутка — в зависимости от атмосферы и настроения, царивших в зрительном зале. А у самого Шнеера настроение всегда было праздничным. Выступал он и с авторскими моноспектаклями, причем чрезвычайно успешно. Этакий Иракий Андроников (кстати, еврей по матери), но только в варианте на языке идиш. Шнеер мог сымитировать десятки голосов, удивительно точно показать различные еврейские типы и характеры. Вот изображает он студента иешивы, пришивающего пуговицу. Пальцы исколоты, весь потом изошел, шьет и шьет, а пуговица не пришивается — не иначе она над ним издевается! А ларчик просто открывался: привыкший к многочасовым умственным упражнениям знаток Талмуда такую "мелочь", как узелок на нитке, как-то и не предусмотрел...

В 1935 году на улице Карла Либкнехта (теперь — Греческой) в нынешнем помещении Театра юного зрителя открылся Одесский еврейский театр. Видимо, с репертуаром было туго. Шнеер занимался тем же, что и Моисей Яковлевич Гершензон в киевском ГОСЕТе: осовременивал старые пьесы (Авраама Гольдфадена и, скорее всего, других корифеев сцены). Шнеер писал и песни к спектаклям. А его младший современник (родился 18 июля 1903 года) М. Гершензон перелagal для театральных постановок творения Менделе Мойхер-Сфорима, Шолом-Алейхема, Иццока-Лейбуша Переца.

В упомянутой статье "Дер фрейлехер шефер фун "Фрейлехс" говорится о том, что Шнеер был заведующим еврейской академической библиотекой, причем Ирма Друкер не жалеет восторженных слов, отмечая, каким замечательным администратором был его друг: "Недаром еврейскую академическую библиотеку называли его именем — "библиотека Шнеера".

Педагог, фольклорист, литератор, человек постоянного праздничного настроения, человек с золотыми руками, который все мог смастерить сам, соединились в Шнеере — заведующем библиотекой, и все это усиливало любопытство, интерес и любовь к нему".

Хронологическое построение настоящей статьи неумолимо влечет автора к роковой дате: 22 июня 1941 года. Шнеер покинул Одессу в июле 1941 года на судне "Ворошилов". Неисповедимые пути эвакуации забросили его Ташкент. И это неудивительно: в "городе хлебом" в военные годы было много одесситов. Вот только хлеб людям доставался с огромным трудом. Друкер вспоминает о своем посещении Шнеера и его семьи на изломе 1942-43 годов. Окуни жили где-то в заброшенном уголке Старого го-

рода в Ташкенте в маленькой узкой комнатушке. Шнеер сидел на скамеечке перед низким столиком. Вокруг него была гора отслуживших свое калош. Он их ремонтировал: заклеивал, ставил заплатки... Ведь в военное время не до того было, чтобы выпускать новые калоши. Черная краска, с помощью которой Шнеер пытался из старых калош сделать более новые, с его пальцев незаметно перебиралась на лицо и густые длинные волосы. Глядя на коллегу и друга, который был весь в черных пятнах, Друкер мимо воли засмеялся. А Шнеер посмеялся вместе с ним, рассказав, как тяжело ему было приносить на спине мешок с калошами из артели домой, а после осуществленного ремонта таким же способом относить обратно в артель. Так и выживала семья Окуней в военное лихолетье в городе, который так же, как Одесса знаменита Привозом, известен Алайским базаром.

В годы войны Шнеер обратился к письменному творчеству. Я это понимаю так: до этого в течение всей жизни одаренному человеку, в основном, было не до того. Надо было спасать еврейских детей-сирот, учиться, преподавать, ездить по местечкам с лекциями от Политпросвета, руководить еврейской академической библиотекой, выступать с чтением произведений еврейских писателей и своими моноспектаклями. Война и послевоенные события из всех видов творческой деятельности оставили Шнееру только возможность писать и работать в театре и для театра.

С московским ГОСЕТом, который возглавлял гениальный Михоэлс, Шнеер начал сотрудничать еще до войны. Видимо, личное знакомство двух одержимых (в хорошем понимании этого слова) людей состоялось в Одессе, куда театр приезжал на гастроли. На 1939-40 годы приходится работа Шнеера над адаптацией одной из классических пьес родоначальника еврейского театра Авраама Гольдфадена "Цвей Куни — лемлех" для постановки на московской еврейской сцене. Благодаря Шнееру спектакль шагнул из века девятнадцатого в двадцатый. Наш герой помогал Михоэлсу в подготовке материала к спектаклю "Соломон Маймон" (1940). Шнеером была также написана пьеса "Потерянный рай". В "столице дружбы и тепла" произошло окончательное сближение двух титанов — Михоэлса и Шнеера.

После войны наш герой в Одессу уже не вернулся: Михоэлс его просто от себя не отпустил. Местом приложения энергии и сил талантливого человека стал ГОСЕТ в первопрестольной, а должность его называлась "заведующий литературной частью театра". В здании ГОСЕТа он получил и жилплощадь. Шнеер был счастлив. Ведь теперь он видел Михоэлса не

только каждый день, но и часто по несколько раз на день. И каждая встреча обогащала и вдохновляла на творчество. Шнеер окунулся в работу: он и рассказчик, и прозаик, и драматург. Но вся вышеперечисленная его работа в Одессе и Москве, весьма ценная сама по себе, не смогла бы поставить подвижника еврейской советской культуры на ту высоту, на которой он по праву должен находиться сейчас. Имя Шнеера обессмертило создание им жизнеутверждающего свадебного карнавала "Фрейлехс".

Шла тяжелая кровопролитная война, а великому Михоэлсу запала в голову мысль противостоять зверствам нацизма не новыми стенаниями и плачем, а осуществленным магическими силами искусства дерзновенным, во всеуслышание заявленным, похожим на вызов ответом: "Мир лебм! Мир велн иберлебм ун дерлебм!". Это очень хорошо звучит по-еврейски, а по-русски можно дать такое толкование: мы живы, мы всё переживем и от чужой руки не умрем.

И когда мыслями своими Михоэлс поделился с глубоко уважаемым им Шнеером и спросил того, какими художественными средствами можно выразить высочайшую веру народа в незыблемость своего существования, своего продолжения, то его друг ответил кратко и точно: "Дурх а хасене!" (посредством свадьбы). И Соломон Михайлович обнял единомышленника и произнес слова, которые всегда произносили евреи, желая кому-либо удачи в важном деле: "Зол зайн ин а гутер ун ин а мазлдикер шо!". И вынес окончательное решение: "Ломир правен а хасене"! (будем справлять свадьбу).

Содружество двух неповторимых творцов, двух Личностей, привело к созданию Шнеером незабываемой феерии, полного буйного веселья и упоения жизнью действия, главной задачей которого было показать, что все козни, направленные против еврейского народа, тщетны и не имеют не то чтобы больших, а никаких шансов на успех.

Первоначально спектакль, девизом которого были слова "Давайте не будем стыдиться собственного рода", был поставлен Вениамином Зускиным. О том, что выдающийся еврейский советский актер, создатель запоминающегося образа Пини Копмана в знаменитой довоенной киноагитке "Искатели счастья" занимался и режиссурой, мы уже знаем: я упоминал о постановке им комедии "Гершеле из Острополя", осуществленной на сцене киевского ГОСЕТа. Затем бразды правления в плане режиссуры перешли к Соломону Михоэлсу, привнесшему в спектакль гениальность своего поэтико-художественного видения. В 1946 году спектакль-феерия был удостоен Сталинской премии.

Успех спектакля породил разговоры о написании второй пьесы на фольклорном материале — о различных еврейских народных певцах, шутах, весельчаках, чьи хохмы и меткие словечки передавались из поколения в поколение. Но надеждам не суждено было сбыться. "Фрейлехс" оказался последней постановкой Михоэlsa, своеобразным памятником московскому ГОСЕТу. В этом спектакле роль служки играла молодая актриса Мария Котлярова. Вот что она писала в статье "Спасенные книги" ("Международная еврейская газета", № 5, 1995 г.): "... "Фрейлехс", поставленный Соломоном Михайловичем, стал блестящим карнавалом еврейского искусства, утверждающим неумную любовь, могучую волю к жизни нашего народа".

Эскиз мизансцены к пьесе Э. Шнеера (Окуня)
"Фрейлехс", 1945 год
Художник А. Тышлер

А теперь я обращусь к статье Самуила Школьника "Две встречи с театром ГОСЕТ" ("Шомрей шабос", № 47 (189), август 1998 г.). Летом 1944 года, будучи в Москве, перед отбытием на фронт автор решил посетить представление еврейского театра. Но задача оказалась непростой: "На всем пути от улицы Горького до Малой Бронной, где находился театр, меня и других останавливали прохожие традиционным "довоенным" вопросом: "Нет ли лишнего билетика?..". В тот вечер давали "Тевье-молочник" по Шолом-Алейхему, довоенный спектакль, поставленный еще в 1938 году в декорациях художника Рабиновича с Михоэлсом в роли Тевье". И далее: "В антракте я неожиданно встретил в фойе знакомого мне по Одессе Шнеура-Залмана Окуня, работавшего теперь заведующим литературной частью ГОСЕТа. На правах старого знакомого он доверительно поведал мне, что возвращению театра из Ташкента, где он находился в эвакуации, всячески препятствовали "влиятельные" силы, и вообще, в отношении дальнейшей судьбы ГОСЕТа не стоит делать оптимистичных прогнозов. Действительно, как в воду глядел мой одесский знакомый, как в черную

воду уже готовившегося затопить страну антисемитизма. В начале 1948 года в Минске коварно убили Соломона Михоэлса, вскоре закрыли ГОСЕТ, многие его артисты и сотрудники были репрессированы, Окунь оказался в их числе и умер в заточении".

Его долго не арестовывали. После разгона московского ГОСЕТа, в разгар вакханалии гонений на всё еврейское занятия для человека, всю свою жизнь посвятившего еврейской культуре, не было. Он "трудоустроил" себя тем, что помогал дочери, работавшей в школе учительницей русского языка и литературы, проверять тетради учеников. И если некоторые друзья и единомышленники нашего героя надеялись, что смогут избежать ареста, то Шнеер иллюзий и тут не питал. Он бывало сетовал: почему за мной не приходят, неужели я мало сделал для еврейской культуры? Пришла и его очередь: ему состригли красивые длинные густые седые (а поседел Шнеер рано) волосы.

Известно, как закончились дни пребывания незаурядного талантливо-го человека на этой грешной земле. Сидел Шнеер в колонии политических заключенных на станции Вихоревка близ Тайшета (Кемеровская область Российской Федерации). Он готовил к постановке силами заключенных "Ревизора" Гоголя. В то время ему было 60 лет или около того. Шалило сердце. Врачи предписывали постельный режим. Не только танцевать, ему и ходить нельзя было. Это значит, что можно было сидеть на стуле и давать самодеятельным артистам указания. Но не таков был Шнеер. Сидеть? Показывать руками? А может быть, разводять руками от бессилия? Он выскочил на сцену. Разве так надо двигаться, как вы? Живее! Больше жизни! Жизни... Жизнь ушла от Мастера вместе с этими движениями. В тот день календарь с присущими ему бесстрашием и бесчувствием показывал дату: 10 мая 1952 года.

